

КОВАЛЬСКИ ДМИТРИЙ

ПОСЛЕДНЕЕ ФОТО

Победитель конкурса
«Со слов очевидцев 2023»

Лучший
исторический
детектив

Литрес

ИСТОРИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Мистические дела писателя Николаса Райта

Д. В. Ковальски

Последнее фото

«Автор»

2023

Ковальски Д. В.

Последнее фото / Д. В. Ковальски — «Автор»,
2023 — (Мистические дела писателя Николаса Райта)

Санкт-Петербург, 1888 год. К знаменитому писателю и, по совместительству, закоренелому скептику Николасу Райту приходит необычный запрос. Начальник почтовой службы рассказывает ему о странном фотоателе, где его недавно сфотографировали с духом покойной супруги, и просит разобраться: действительно ли в деле замешана мистика или все это просто подлый обман. Теперь Николасу понадобится весь его скептицизм, чтобы докопаться до истины и не усомниться в собственных убеждениях на пути к раскрытию тайны мистических фото.

© Ковальски Д. В., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Из письма Петра Алексеевича	15
Глава 3	17
Глава 4	20
Глава 5	24
Глава 6	27
Глава 7	30
Глава 8	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Д. Ковальски

Последнее фото

Глава 1

Петр Алексеевич понедельник не любил, потому как ничего хорошего в них не случилось. Вот и сейчас неотложные дела заставили его променять уютное кресло в собственном кабинете издательского дома в Москве на неприглядный двухэтажный особняк. Особняк этот никакого доверия не внушал, наоборот, всем своим видом отпугивал незваных гостей. Мрачные тени, скрытые за окнами, будто бы шептали: «Проваливай, толстяк, пока цел». Да, в фантазиях Петра Алексеевича привидения не только пугали, но и обзывались.

Вот только иных вариантов ему не предоставили. Прошлым утром директору издательства вдруг понадобился писатель по фамилии Райт. И отыскать его выпала честь именно Петру Алексеевичу, с чем, собственно, он был не согласен, но сказать ничего против не смел.

Время поджимало. Писателя следовало найти не позднее вечера. А тот, как назло, еще и не сидел на месте. И вот уже время приближалось к семи, поясница и больные суставы ныли от возмущения – давно их обладатель столько не ходил, а писатель не пойми где.

И этот мрачный особняк – последняя надежда Петра Алексеевича. Иначе никакого уютного кресла в собственном кабинете. Директор этого не сказал, но Петр Алексеевич прекрасно умел различать его тон.

На первом этаже главного редактора встретила безмолвная старушка. Она вручила ему голую свечу, даже не удосужившись хоть как-то защитить руки от капающего воска, и молча указала сухим пальцем на второй этаж. Иной жительница обветшалого дома и не могла быть. И хотя возраст приближался к пятидесяти годам, в нечистую силу он продолжал верить. Потому шел осторожно, держа свечу прямо перед собой, чтобы та отгоняла от него пугающую пустоту. При этом самой темноты он не боялся. Но страшило то, что могло в ней прятаться.

От таких мыслей Петр Алексеевич поежился и ускорил шаг. Пламя свечи дрогнуло. Чтобы спасти огонек, он закрыл его ладонью, но быстрый жест вызвал поток воздуха, который легко задул свечу.

Тьма застала его врасплох. Он стоял посередине лестницы, ведущей на второй этаж, и не знал, как поступить. Вернуться к старухе или продолжить путь в полной темноте. Колени намекнули ему, что еще раз спускаться и поднимать пухлое тельце они не в состоянии, поэтому Петр Алексеевич вздохнул, перекрестился и продолжил путь.

К счастью, дальняя дверь на втором этаже была приоткрыта. Из нее тонкой струйкой лился слабый, но спасительный свет. Старший редактор бросился к нему. В тот же момент дверь открылась полностью и на пороге возник молодой мужчина.

Привыкшие к темноте глаза Петра Алексеевича не сразу разобрали детали. По мере того как зрачки сужались, его взору открылась внешность человека. Аккуратно зачесанные назад волосы, стриженная углом борода, тонкие усики и густые брови, сведенные к переносице.

– Вы кто? – спросил мужчина, и, не дожидаясь ответа, схватил Петра Алексеевича за грудки и втащил в комнату.

Помещение кардинально отличалось от мрачного дома. Комнату наполнял мягкий свет от десятка свечей вокруг. Они были разного размера: широкие стояли на блюдах, узкие и длинные горели в канделябрах. Свечи не только давали свет, но и наполняли комнату сладковатым ароматом.

У стола ждали своих посетителей четыре деревянных стула с мягкими подушечками на сиденье.

Чудная картинка настолько захватила внимание Петра Алексеевича, что он забыл про вопрос. Теперь, когда они стояли в светлой комнате, было видно, что глаза молодого человека подведены черным углем.

Он с интересом изучал Петра Алексеевича.

– Вы явно не тот, кого я жду, но и не полицеймейстер, – начал молодой человек свои размышления вслух. – Тогда как вы оказались в этом месте, если о нем знало не больше четырех человек?

– Мне нужен писатель Николас Райт, и у меня есть все основания полагать, что он находится здесь! – Петр Алексеевич вспомнил, кем является, и голос стал тверже.

Мужчина нахмурился.

– Как вы это узнали?

– В доме, который мне указали как адрес проживания писателя, милая девушка вручила записку с точными указаниями, где его искать.

Новость расстроила незнакомца с крашеными глазами, но он не показал этого.

– Я надеюсь, вы догадались сообщить той девушке, что записка адресована не вам, и не взяли ее.

– Конечно! – возмутился Петр Алексеевич, при этом с трудом сдержал правую руку, которая дернулась к внутреннему карману пиджака с запиской.

Этого мимолетного жеста хватило, чтобы собеседник понял обман.

– Писатель, которого вы ищите, – это я, – спокойно сказал молодой человек, – но ваша ложь подвергает нас опасности.

Старший редактор не успел обрадоваться своей маленькой победе, как поддался переживаниям.

– Почему же это?

– Записка предназначалась участковому полицейскому, потому что через несколько минут сюда явится преступник, которого следует арестовать.

Холодок пробежал по спине.

– И что же нам делать? – взволнованно спросил Петр Алексеевич.

– У вас есть оружие?

– Нет! Мое оружие – это перо! – ответил редактор.

– Славно, тогда по моей команде зашекочете негодяя до смерти. – На лице писателя мелькнула улыбка.

– Вы меня разыгрываете? – стараясь выглядеть уверенно, спросил Петр Алексеевич.

Николас не ответил, он посмотрел на поясные часы и снова нахмурился.

– Времени нет, – сказал писатель, схватив редактора за плечи, – вам придется спрятаться в шкаф и по моей команде выйти с грозным видом.

– Я не могу, – начал пыhtеть Петр Алексеевич, – да и не помещусь я в этот шкаф.

Несмотря на то что выбранный шкаф подходил незваному гостю по высоте, по объему он был куда меньше, чем сам редактор. Так что одна дверца никак не закрывалась. Как ни давил Николас, она пружинила в ответ.

– Втяните живот, – сказал Николас.

Петр Алексеевич послушался, и дверь закрылась.

Запертый в шкафу редактор поддался легкой панике. Слишком тесное пространство давило на него. Нормально дышать запрещено, иначе его живот угрожал открыть дверь. Но радовала приличная щель между дверцами старого шкафа. Сквозь нее проникал успокаивающий свет и виделся стол, за который сел писатель.

К нему вернулся прежний образ: сдвинутые к переносице брови, сложенные перед собой руки. В такой позе Николас ждал гостей.

Еще три стула, подумал Петр Алексеевич и представил трех карикатурных разбойников с ножами в зубах и шрамами через все лицо. Если такие зайдут, то он не выйдет из шкафа, какой бы сигнал писатель ему ни послал. Да и бог с ним. Тем более последняя книга его не повторила успеха прошлых работ. Так что они в издательстве найдут кого-нибудь более талантливого. И не такого странного, это уж точно.

Но, вопреки ожиданиям Петра Алексеевича, первым гостем оказалась милая дама, облаченная во все черное. Следом вошел круглолицый мужчина. Сквозь щель возраст не угадывался, но Петр Алексеевич предположил, что ему не больше сорока. Настораживал только третий гость. Остроносый, с длинной бородой и смуглой кожей. Появившись в комнате, он впился глазами в писателя и не сводил их, даже когда сел за стол.

– Надеюсь, все понимают, что наш сеанс запрещен православной церковью? – мрачно спросил Николас.

Гости молча кивнули. Даже остроносый.

– Тогда медлить не будем и начнем, – сказал Николас и раскинул руки в стороны.

Гости расселись так, что Петр Алексеевич видел перед собой спину старушки. Напротив нее сидел писатель. Круглолицый занял стул справа, а остроносый слева. Весьма удачно, подумал редактор, но мысль тут же погасла. Воздуха катастрофически не хватало. Тот, что поступал за короткий вдох, тут же выдыхался. Легкие в груди горели, мышцы живота тоже. Совсем непривычное положение для главного редактора. Понедельник, что с него взять?

– Сегодня мы установим связь с духом Федора Степановича, погибшего супруга Авдотьи Павловны. – Николас говорил громко. Глаза его были закрыты, а лицо вздернуто к потолку.

– Федор Степанович, если дух ваш свободен, то явите себя, – продолжил писатель, не глядя на своих гостей.

Петр Алексеевич же, наоборот, следил за ними не моргая. От неожиданности происходящего он совсем позабыл про дыхание. Все свое внимание сосредоточил на писателе.

– Явите же себя и воспользуйтесь моим телом, как куклой пользуется чревовещатель. Говорите моим ртом, смотрите моими глазами, слушайте моими ушами. – Голос Николаса стал тише.

Рефлексы жили по-своему, а потому независимо от желания Петра Алексеевича его рот открылся и наполнил легкие живительным кислородом. Вместе с этим наполнился и живот, и дверь со скрипом приоткрылась.

Старушка взвизгнула, но быстро собралась. Остроносый метнул взгляд в сторону шкафа. Николас нехотя приоткрыл глаз, посмотрел на дверцу. После чего вернулся в начальное положение.

– Он здесь, – бесстрастно сказал Николас, вернув все внимание на себя.

По широкому лбу Петра Алексеевича бежал пот. Отдельные капельки щекотали в области носа и левого глаза, но он боялся пошевелиться. Впервые за несколько лет он пришел к мнению, что живот можно чуточку убрать.

Внимание вернулось к писателю. Теперь его тело била дрожь, а зрачки в открытых глазах закатились. Он что-то бормотал, пока не пришел в себя. Однако собой быть перестал. Его хмурое лицо обрело умиротворенный вид, глаза широко раскрылись, а лицо растянулось в улыбке. Смотрел он на старушку.

– Сударыня моя, – не своим голосом заговорил писатель. – Авдотья Павловна, дорогая, как же я рад вас видеть.

Старушка что-то смущенно ответила и приложила к лицу белый платок. Николас повернулся к круглолицему.

– Братец, и ты здесь, вот же радость какая, представляешь, тут и мать встретил нашу, и отца. Правда, даже в раю он не перестал ворчать. – Улыбка стала шире.

Круглолицый замотал головой.

– Брат мой старший Федор, – начал тот, – не бросал ты меня в детстве ни разу, всегда наставлениями своими поучал, неужто ты после смерти своей ничегошеньки мне не оставил? – Голос круглолицего растекался, точно мед.

– Так ты же не обженился, братец, да детей не завел, зачем тебе мои сбережения? Куда уж лучше, если им Авдотья Павловна будет хозяйкой.

Остроносый сузил глаза, круглолицый заерзал на стуле, Петр Алексеевич прислонился к щели.

– Ты же не знаешь, брат мой, новости-то радостной: женюсь я, а сей уважаемый господин, что перед тобой, отец моей суженой. – Рука говорящего указала на остроносого.

Тот улыбнулся, отчего тонкие губы исчезли, обнажив два ряда желтых зубов.

Писатель в образе покойного Федора Степановича продолжил.

– Коли так дело обстоит, то завещание мне свое стоит изменить.

– Помилуйте, – начала старушка, но быстро осеклась и зарылась в помятый платочек.

– Только условие есть одно: если вы верите, что пред вами сам Федор Степанович, и верите в его новую волю, то скажите об этом, чтобы надежно закрепить вашим словом мое новое завещание.

Первым выпалил круглолицый, который с трудом сдерживал улыбку.

– Верю, батюшка мой, еще как верю!

Следом тихо прошептала свое «верю» Авдотья Павловна. И тут все старшему редактору стало понятно. Писатель-то мало того что рукопись в срок не сдает, так еще и дурит доверчивых людей. Явно он заодно с теми двумя мошенниками. Сейчас отдаст им все старушечьи сбережения, получит долю и будет таков. А что же делать этой бедной женщине, когда она загнана в угол? Петр Алексеевич возмущался, прячась в шкафу, но его смелости не хватало, чтобы остановить представление.

– Тогда слушайте волю мою. – Николас вытянул спину, отчего стал смотреть на всех сверху вниз. – Любви своей жизни, Авдотье Павловне, завещаю наш двухэтажный дом, в коем мы жили душа в душу и не знали невзгод.

Круглолицый кивал, явно понимая, что ему достанется куда больший кусок.

– Что же касается братца моего родного, то в знак свадебного подарка завещаю оставшееся. – Николас наморщил лоб, стараясь вспомнить все имущество старушки. – Лесное хозяйство с двадцатью работниками, мебельную фабрику, загородную дачу и... – Он явно что-то забыл.

– Сбережения, батюшка, которые вы в банке храните, – пролепетал круглолицый.

– Точно! И сбережения тоже отходят моему братцу...

Ноги младшего брата так и плясали под столом, оставалось дело за малым, чтобы старушка все официально переписала на него. Но Николас продолжил:

– Моему братцу Федору и тому замечательному молодому человеку, что позволил мне воспользоваться своим прекрасным телом, дабы озвучить волю мою, сбережения поделить меж собою в равных долях.

Вот подлец, подумал Петр Алексеевич.

– Что?! – возмутился круглолицый. – Мы так не договаривались!

От злости он вскочил, отчего стул упал. В этот же момент подскочил и остроносый и достал из-за пояса широкий кинжал. Старушка смотрела на них испуганными глазами.

Николас же остался спокоен.

– А как мы договаривались? – спокойно спросил он уже своим голосом.

Но ответа не последовало. Круглолицый понял, что выдал свой план, и теперь не знал, как поступить.

– Как я вам и говорил, Авдотья Павловна, все ваши призраки – это проделки младшего брата, который никак не мог смириться с тем, что ему ничего не досталось от вашего супруга.

– Вздор! – возмутился тот. – Никто не поверит вашим словам!

– Вы сами выдали наши договоренности, к тому же за разговором нашим следил коллежский секретарь Иван Алексеевич!

Петр Алексеевич не сразу догадался, что речь идет о нем. Писателю понадобилось еще несколько раз произнести выдуманное имя, хотя в отчество он попал, несколько раз. Нехотя, с тревогой внутри Петр Алексеевич вышел из шкафа и чуть было не поклонился. Благо Николас успел подхватить его под руку.

– Ваше благородие, вы все слышали и, надеюсь, все видели через щель в шкафу. – Писатель метнул взгляд на живот-предатель.

Редактор постарался его втянуть и расширить плечи.

– Именно так! – ответил он гордо, но больше ничего не произнес, боялся дать петуха.

– Ничего это не значит, – нервно заключил круглолицый.

– На самом деле значит многое, Кузьма. Как же я сразу в тебе змею-то не разглядела? – спокойно перебила его старушка.

Теперь она выглядела иначе. Ни тревожности на лице, ни слезинки.

Круглолицый оскалится, но понял, что проиграл, и спешно покинул комнату. Остроносый на прощание прошипел угрозы в адрес писателя и вышел следом.

– Вам теперь беда, – заключил Петр Алексеевич, – и мне, по всей видимости, тоже.

– Не переживайте. – Николас махнул рукой. – На одну угрозу больше. Разве есть о чем тревожиться?

– Тем более что внизу их уже ждут, – продолжила Авдотья Павловна.

– Тут вышло недоразумение, – начал оправдываться Николас, но старушка только улыбнулась.

– Работники лесного хозяйства, которых Кузьма пугал последние две недели, уж очень будут рады встретиться со своим призраком и на кулаках объяснить, что так поступать нехорошо. А что до вас, то не знаю, как благодарить.

Дама достала из сумочки несколько банковских билетов. Петр Алексеевич успел заметить купюру в сто рублей.

– Не стоит. – Николас положил ладонь сверху.

– Как знаете, – сказав это, дама пожала плечами. – Если нужна будет моя помощь, обращайтесь.

Николас улыбнулся, пожал даме руку и проводил ее до двери, после чего повернулся к старшему редактору.

– Так напомните мне, кто вы такой?

Глава 2

Весь путь до дома, где жил и работал Николас, они прошли пешком, чему Петр Алексеевич был не рад. Его и без того утомленные колени просили пощады. Он старался отговорить писателя и предлагал поехать в кибитке, но тот, ссылаясь на теплую погоду, такую редкую в весеннем Санкт-Петербурге, отказался.

– Адрес вы мой знаете, так можем встретиться там, – сказал Николас, когда уставший редактор вернулся к своему предложению. Но нет, страх, что писатель снова исчезнет, запрещал оставлять его одного.

Во время прогулки Николас в деталях рассказал историю Авдотьи Павловны и то, как брат ее мужа предложил ему деньги, лишь бы убедить старушку в том, что ее покойный супруг хочет изменить завещание.

– Вышел бы неплохой рассказ, – заметил Петр Алексеевич, когда Николас закончил.

– Сомневаюсь, слишком уж история похожа на мою последнюю книгу.

С этим Петр Алексеевич согласился, но продолжать разговор на эту тему не стал. Решил оставить на более подходящее время.

– И что вы совсем не верите в блуждающих духов?

– Нет, – отрезал писатель.

– Но ваша первая книга была посвящена призраку и имела успех!

– Она вышла десять лет назад за авторством совсем другого человека.

– Но ведь ее написали вы! – возмутился Петр Алексеевич, а потом понял, что тот имел в виду.

Жил писатель скромно. Снимал квартиру в доходном доме, правда, в складчину с еще двумя людьми. Каждый получил по две маленькие комнатки, одну кухню и общую гостиную, едва вмещающую два кресла, комод и диван.

Первым соседом оказался молодой врач Савелий. Он так радовался приходу писателя, что тут же подскочил к нему и стал всего ощупывать. Петр Алексеевич уж было подумал, что тот беспокоится о здоровье, пока не услышал разговор.

– Батюшки мои, Николай, это что, дырка? – Савелий поднял полу пиджака и засунул в него мизинец, который показался с обратной стороны.

– Вышло недоразумение со свечой, пока зажигал одну, вторая, проказница, проглотила маленькую дырочку, – писатель говорил с улыбкой на лице, надеясь на снисходительность владельца костюма.

– Восемь рублей! Восемь! – грозно произнес Савелий.

– Обязательно возмещу, – старался успокоить его Николас. – До тех пор, думаю, Настенька поможет и заштопает прожог.

– Конечно, возместите, только прежде вернете долг за плату вашей комнаты за прошедший месяц.

Тут уже и показался второй сосед писателя, точнее, соседка. Та самая девушка, что ранее вручила Петру Алексеевичу записку. Николас увидел ее и подозвал рукой. Та покорно подошла. Он молча показал ей проблему, повторив фокус с пальцем. На лице он изобразил досаду и пожал плечами.

– Дел-то тут. – Девушка потрогала края отверстия. – Зашью так, что и видно не будет.

– Спасибо, ты всегда меня выручаешь! – Николас улыбнулся девушке. Та на миг взглянула на него, и румянец покрыл ее лицо.

Петр Алексеевич все понял. Просьба эта для такого взгляда весьма простая, девушка явно была готова на большее ради писателя.

– Прошу в мой кабинет, – сказал Николас, обращаясь к редактору, – там поговорим в тишине.

– Пойдите... – Настя хотела что-то сказать, но Николас жестом показал, что не стоит.

Он решил, что девушка хочет извиниться за ошибку с запиской. Но та даже понятия не имела, что сделала что-то не так. Она лишь хотела предупредить, что в кабинете писателя ожидают. Хотя ладно, он и так об этом сам скоро узнает.

Николас вошел в кабинет первым. Это была маленькая комната с деревянным столом, креслом и зеленым бархатным диваном, на котором сидел человек. Николас его заметил сразу, но лишь улыбнулся, подмигнул глазом и приложил указательный палец к губам – знак молчания. Мужчина кивнул.

За писателем вошел Петр Алексеевич и был приглашен в кресло. Николас подошел к трехногой вешалке за ширмой и снял пиджак. Редактор, естественно, поздоровался с мужчиной, тот кивнул, но больше не двигался.

– Теперь, когда мы остались наедине, расскажите, зачем меня искали? – спросил Николас, не глядя на редактора. Он снял рубашку, посмотрел на испачканный углем воротник и про себя поблагодарил судьбу, что Савелий этого не увидел.

– Наедине? – Петр Алексеевич вопросительно посмотрел на гостя. Тот с непонимающим видом посмотрел в ответ.

– Я могу выйти, – сказал он, – и вернуться позже, если вам нужно поговорить.

Но Николас его слова пропустил.

– Конечно, а разве в комнате кто-то есть?

Редактор молча указал на диван, писатель выглянул из-за ширмы и бегло осмотрел его пустыми глазами.

– Хотите сесть на диван, не отказывайте себе в этом удовольствии.

– Позвольте, но на диване сидит человек, который, по всей видимости, тоже пришел к вам! – Голос дрогнул.

На лице писателя появилась улыбка.

– Простите меня, Петр Алексеевич, за мои слова, но вы, видимо, сегодня переволновались, раз вам кто-то мерещится.

Незнакомец понял, что стал невольным соучастником розыгрыша, а вот Петр Алексеевич, вероятно, нет. Он съежился и внимательно посмотрел на гостя.

– Вы как кот, который смотрит в пустоту, – сказал Николас. – Замечали такое за этой живностью? Говорят, кошки видят то, чего не видят люди.

– Прекратите, – редактор сказал так, словно ничего не боялся, вот только голос его выдал.

Терпеть больше не оставалось сил, и Николас рассмеялся. Гость улыбнулся, но, скорее, не от шутки, а от неловкости самой ситуации. Петр Алексеевич в очередной раз ничего не понял.

– Простите мне мою шутку, не мог удержаться, вы с таким трепетом говорили о мистике, что невольно натолкнули меня на этот безобидный розыгрыш, – сказал Николас.

Писатель полностью переоделся и теперь красовался в старом потертом костюме-тройке, выдавшем лучшие дни. Белая рубашка давно пожелтела, зато ее мягкость была так приятна телу. Он отклеил бороду и усы, а аккуратно зачесанные волосы растрепал руками, после чего удовлетворенно вздохнул.

– Меня вы не провели, – гордо ответил Петр Алексеевич, – но мне стыдно за вас перед вашим же гостем.

– Прошу простить. – В два шага он оказался рядом с незнакомцем и протянул ему руку. – Николас Райт, писатель-мистик.

– Георгий Александрович, начальник почтовой службы.

Старший редактор с уважением взглянул на гостя и на самого писателя, раз к нему заходят такие люди.

– Рад знакомству, – ответил Николас, затем обратился к редактору, – если вы позволите, быстро обсудим причину появления Георгия Александровича, после чего вернемся к вашему вопросу.

В ответ Петр Алексеевич лишь пожал плечами, хотя на деле этот гость вызывал в нем неподдельный интерес, а редакторское чутье подсказывало, что пришедший принес интересную историю. Николас взял табуретку, скинул с нее вещи, поставил рядом с гостем и присел на нее.

– Я не займу много вашего времени, – сказал Георгий Александрович, достал из нагрудного кармана небольшое фото, чуть шире, чем ладонь, и протянул его писателю.

На фото был сам начальник почтовой службы в компании прекрасной девушки. Правда, девушка вышла нечетко. Лицо скрывала белая вуаль, хотя черты проглядывались.

– Хороший снимок, но почему вы показываете его мне? – поинтересовался Николас.

– Рядом со мной моя покойная супруга Анна.

– И ее дух вас тревожит? – разочарованно спросил Николас.

– Нет. Это фото сделано неделю назад в годовщину ее смерти.

Вот теперь жуткое напряжение повисло в кабинете писателя по-настоящему. Вмиг объекты в тени обрели мрачные контуры, пустота зашептала, тьма приближалась и сжимала пространство.

Писатель внимательно посмотрел на снимок. Ничего подозрительного. Георгий Александрович продолжил.

– Я был один в момент съемки.

– А вы видели, как проявляли фото? – Николас нахмурился.

– Да, в том суть ритуала. Меня отвели в темную комнату, где при мне проступила картинка.

– Ритуала? – спросили в один голос редактор и писатель.

– Вы не знали, что в Петербурге появился загадочный фотограф? Он делает снимки с духами близких людей. Но не каждого он приглашает для фотографии. Мне повезло. Он сказал, что моя тоска настолько сильна, что удерживает дух моей супруги рядом со мной.

Внутри Николаса кольнуло.

– Вы уверены, что это ваша супруга?

– Посмотрите на открытую часть лица, там вы увидите родинку на щеке. Ее я никогда не спутаю.

– И вы хотите, чтобы я разуверил вас в подлинности этого фото? – Николас вернул снимок.

– Как раз наоборот. Хочу, чтобы вы избавили меня от сомнений. Если, и правда, моя Анна следует за мной и оберегает меня, то жизнь вновь обретает смысл.

Петр Алексеевич наклонился к Николасу, насколько позволяло пузо, и прошептал ему:

– Отличная история для книги, тем более она вам ой как нужна.

– Я подумаю, – сухо ответил Николас и встал. – Думаю вам пора, час поздний.

– И то верно, – ответил Георгий Александрович. – Но я оставляю вам адрес фотоателье.

– Хорошо.

Начальник почтовой службы пожал руки, положил прямоугольную бумажку на письменный стол и вышел. Петр Алексеевич удивленно проводил его взглядом и продолжил молчать, когда тот покинул кабинет.

– Что же до вас, уважаемый Петр Алексеевич, можете вернуться в издательство с моим отрицательным ответом.

– Но вы даже не знаете вопроса! – возмутился тот.

– Тут нет никакой интриги. – Писатель сложил руки за спину и начал ходить по небольшой комнате. – Все денежные средства от продажи моих книг уходят на погашение моих же

штрафов, за нарушение сроков и обязательств перед издательством. Так что денег вы не принесли. Контракт со мной разорвать вы не можете, так как старые книги все еще продаются. Издательству терпеть меня еще два года. – Он прикинул что-то в уме. – То есть до тысячи восьмьсот восемьдесят девятого. Так что они отправили вас, чтобы призвать меня к работе, что вы и делали, нашептывая мне на ушко указания...

– Дружеская рекомендация, господин Райт... – услужливо вмешался Петр Алексеевич.

– Неважно. Не знаю, в чем вы провинились в издательстве, то ли слишком обленились. – В этот момент Николас смотрел на живот, который редактор безуспешно втягивал. – Либо за халатность, но вас определили к самому ужасному писателю. И, возможно, мой ответ станет причиной вашего увольнения, которое ваше же начальство никак не могло устроить без веской на то причины. Так что еще раз простите, но я говорю вам нет. Писать я не буду.

Вот теперь Петр Алексеевич испугался по-настоящему. Все слова метко попали в цель. Прошлым утром он получил настоящий разнос за два неудачных тиража. Достаточно крупных для неизвестных никому писателей. Шанс на спасение был, но он – конечно, вся вина на понедельник – оказался тем камнем, что утянет его на дно.

– Прошу вас, господин Райт, не отвергайте предложение издательства. Во всем вы правы. Вот только ошиблись, подумав, что деньги я не принес. У меня солидный аванс в двести рублей только для того, чтобы вы согласились на очередную книгу о призраках.

Но писатель его уже не слушал. Он нервно тер виски, стараясь отогнать подступающую головную боль. Все его тело покрывала сыпь мурашек, которые раздражали кожу. Спину пронзила боль. Пальцы стали дрожать.

– Завтра! – твердо ответил он. – Приходите завтра. Обсудим ваше предложение и, может быть, навестим того фотографа. И если история действительно связана с настоящей мистикой, то я обязательно ее напишу. Если же снова нарвусь на шарлатана, то, простите меня, обманывать читателей и плодить глупые суеверные страхи я не хочу.

Николас кивнул в знак прощания и вошел в другую дверь, что вела в спальню еще меньшим размером, чем кабинет.

Времени на проводы неожиданного и неприятного гостя совсем не осталось. Ощущения были такие, словно в голову залили раскаленный металл. Лоб писателя пылал жаром, отчего выступила испарина. Его самого била дрожь. Сердце предательски кольнуло и замедлилось, после отозвалось двумя глухими ударами в области желудка и судорожно заколотило.

Собственное тело стало тяжелой ношей. Едва переставляя трясущиеся ноги, Николас подошел к кровати. Хотел сесть, но сил не хватило, в итоге плюхнулся на живот. Собрав всю волю, он заставил себя перевернуться. Спазм подобный острию кинжала вонзился в область паха и метнулся выше, чтобы сжать в кольцо легкие.

Николас потянулся дрожащей рукой к тумбочке. Там под светом маленькой свечи лежало спасение – фарфоровая трубка и ампула с желтым порошком.

При виде нужного вещества острый спазм сменила тянущая книзу боль. Руки действовали самостоятельно. Они на ощупь взяли фарфоровую трубку и ампулу. Засыпали порошок в небольшое углубление в конце трубки и поднесли к нему свечу.

Затянув лишь раз, обманул себя Николас.

Сладкий и горячий дым прошел сквозь горло, обжигая гортань, и осел в легких. Наступило облегчение. Эфемерный нож вынул свое лезвие. Свинец в голове сменила перина, и писатель наконец расслабился.

Он подтянулся на руках и сел удобнее. Голову запрокинул назад, а глаза закрыл. Теперь, когда туман проклятия отступал, он мог вернуться к мыслям о загадочной фотографии.

В целом он слышал о таких явлениях, но относился к ним скептически, потому что зачастую призраком на фото называли световое пятно на снимке. И виной тому не потусторонние силы, а неумелый фотограф.

На этот раз он увидел силуэт девушки, в котором вдовец признал свою покойную супругу. Возможно ли такое? Почему нет, подумал Николас. Магниевая вспышка света могла преломиться о неподвижный образ духа и после проявиться на бумаге. Он и сам гонялся за призраком с причудливым световым устройством в надежде поймать его в луч. Правда, ничего не вышло. Где-то на полке в его маленькой комнате хранились остатки электрической свечи, динамо-машины и телеграфа, ставшие надгробием покойной мечты. Теперь в них нужды не было.

Организм пришел в норму. Сердце билось ровно, руки не дрожали, да и мысли не путались.

Николас лег на бок и открыл глаза. В противоположном углу комнаты безмолвно стояла темная фигура, с трудом напоминающая девушку. Она смотрела на него одним глазом. Вместо второго зияла ужасная, кровавая по краям дыра. Писатель с грустью вздохнул и перевернулся на другой бок.

Из письма Петра Алексеевича

Прошу простить меня, моя дорогая Елизавета Марковна, что пишу в не привычное для себя время, а с большим опозданием. Последние дни выдались крайне тяжелыми. Мало мне было книжного провала моих подопечных авторов, так еще на мои плечи взвалили неподъемный груз – писателя-самодура Николаса Райта.

На первый взгляд, он мне показался парнем толковым, но на деле же я столкнулся с совершенно непредсказуемым типом. Когда нужно говорить серьезно, он шутит, когда пытаешься воззвать к совести – грубит, а от проблем вообще нос воротит.

Слишком избаловали его слава и богатство от первой книги. Признаюсь, его последняя работа, изданная в 1884 году про французских виноделов и призраков, оказалась недурна. Но с тех пор минуло два года, а этот напыщенный писака не выдал ни главы, ни строчки. Теперь представьте мое возмущение оттого, что он отказал мне. И это в тот момент, когда судьба сама подвела его к удивительной теме – теме призрака, пойманного фотоаппаратом.

Он просто закрыл дверь перед моим носом и скрылся в своей спальне. Благо с ним живут достойные люди. Меня проводила, а перед этим напоила чаем с медом его соседка Настенька. Прекрасная девушка, чем мне Вас напомнила в день нашего знакомства. Правда, она худа, мне, как вы помните, по душе дамы с более пышными формами. Но глаза один в один Ваши. Голубые и влюбленные. Правда, в отличие от вас ей не повезло. Сдается мне, что запал ей в душу этот писатель, чье будущее мрачнее тучи. Так что обязательно отговорю ее при следующей нашей встрече.

Ночь провел в ближайшей гостинице. А так как дорожных денег мне не выдали, пришлось экономить. Так что досталась жесткая койка. Но сомкнуть глаз не смог совсем по другой причине – никак не выходило из головы то самое фото.

С одной стороны, я охотно верю в скепсис писателя и считаю, что тот уважаемый господин нарвался на аферистов. Но с другой стороны. Что если это все взаправду?

Такое открытие может совершить настоящую революцию. А люди, чьи сердца съедает тоска, смогут облегчить свое существование.

Утром, как вы знаете, я люблю подольше поспать, но в этот раз я оказался в его квартире раньше солнечных лучей. Встретил меня Савелий – еще один сосед писателя. Толковый врач и очень интересный собеседник. Мы с ним успели обменяться собственными версиями касательно того фото. Савелий, как истинный врач, всячески отрицал существование загробной жизни. Он уверял меня, что мы лишь плоть да кровь, с чем я категорически не согласен. Разве плоть и кровь способны любить или творить? На это способна только душа. А она бессмертна.

Когда моему терпению подошел конец, явился наш горе-писатель. Видом своим он походил на пьяницу, и сдается мне ночь он провел как раз за этим занятием. Сколько таких писак я встречал, и не сосчитать. Все они погибли, думая, что муза их хранится на дне стакана.

Он явился совершенно не готовый к путешествию. Одет был в тот же старый костюм, в котором я видел его в прошлый вечер. А свои непослушные волосы не удосужился даже причесать.

Слава богу, ему хватило совести извиниться за свое поведение. Я, конечно, поворчал, но не сильно. Боялся, что его настроение испортится и он откажется идти к мистическому фотографу.

Вопреки моим ожиданиям, нужное нам место оказалось не в жутком подвале или в мрачном лесу, а в обычной квартире на Думской улице. Правда, квартиру на первом этаже переоборудовали под настоящую фотоателье. Здесь и комната для ожидания, где мы с Николасом ждали, и главный зал с очень строгой дамой, которая следит, чтобы на фото приходили все

согласно списку. Больше всего интереса вызвала комната для фото и кабинет Мастера. Так его называть нас попросила строгая дама. Сказала, что это главное правило. А если мы сомневаемся в его мастерстве, то можем покинуть ателье, чтобы не заставлять других ждать. Мы как могли уверили ее в том, что ни капли не сомневаемся. И поверьте мне, моя дорогая Елизавета Марковна, когда я наконец познакомился с этим человеком, то наглядно понял, почему его называют Мастером.

Глава 3

Георгий Александрович сильно переживал, что посетил писателя. Его отказ усилил недоверие к снимку. Ведь еще день назад, когда он только увидел фотокарточку, его переполняло чувство радости. При жизни они не успели сделать совместного снимка, но теперь были вместе. Пусть и на бумаге.

Однако сейчас Георгий Александрович сомневался. Вот если бы писатель удивился и выхватил фото из рук. Впился глазами и детально изучил. Тогда этого оказалось бы достаточно, чтобы доказать подлинность фото. Но ничего такого не произошло. Словно Николас Райт встречал призраков каждый день.

Фотокарточка одиноко лежала на рабочем столе. Все лишнее Георгий Александрович убрал. Он подходил к снимку, брал в руки, вертел, смотрел, клал обратно и отходил к окну. В открытую форточку он выдувал дым папиросы, затем возвращался к столу.

С каждым разом он замечал новую деталь. И каждый раз в пользу противоположной версии. Родинка не там – обман. Хотя нет, родинка на месте и эта ложбинка на шее вместе с ожерельем – моя Анна.

По итогу внутренних сражений двух мнений победило то, в котором Георгий Александрович ни капли не сомневался: на снимке покойная супруга.

А раз так, то можно было принять предложение Мастера.

Тут же нутро наполнилось трепетом, а ладошки взмокли. Георгий Александрович метался по комнате, готовясь к важной встрече. Из шкафа он достал несколько костюмов и никак не мог решить, какой надеть.

– Марфа! – крикнул он, и через несколько секунд в его комнату вошла горничная.

– Что вам, батюшка? – Горничная с волнением следила за хозяином.

– Скажи, – он показал ей два пиджака, темно-серый из шерсти и черный из бархата, – какой на мне лучше смотрится?

Горничная пожала плечами.

– Вам все к лицу, вот только вы не надевали их с тех пор... – Она замолкла, понимая, что коснулась тяжелой темы.

– Вот именно! – возбужденно ответил он. – Я как раз для такой встречи и выбираю наряд.

– Тогда черный, – смущенно ответила Марфа.

Наконец-то траур в доме подходил к концу, раз уж Георгий Александрович готовился к свиданию. Женское сердце поддалось любопытству, а разум не успел затормозить слова.

– Кто же та девушка, которой повезло увидеть вас в парадном костюме? – спросила она и тут же раскраснелась. – Простите, батюшка, не следовало...

– Полно тебе, Марфа, ты не чужой мне человек, так что на твой вопрос я легко отвечу.

Горничная стала переживать. Кто та девушка, что пленила сердце ее хозяина за такой короткий срок? Последний год он ходил мрачнее тучи, а с недавнего времени сияет, как весеннее солнышко. Что если встретил он на своем пути обольстительную лисицу, которой нужен не сам Георгий Александрович, а его деньги и положение. Пусть и небольшое. Хуже всего то, что если избранница придет в дом из корыстных побуждений, то Марфе придется служить ей, а значит, хорошей жизни в доме может настать конец.

– Сегодня я, если все пройдет как надо, встречусь...

Марфа от волнения карябала ногти на руках.

– С моей Анной! – сказал Георгий Александрович, и внутри горничной все рухнуло.

Еще хуже! Ее хозяин сошел с ума. Но ничего не поделать. Прошлый раз, когда Марфа высказалась по поводу фотографа, Георгий Александрович на нее сильно рассердился. И впервые за все время накричал на горничную.

Так что она опустила глаза и ответила.

– Тогда точно черный.

Сил смотреть на то, как хороший человек добровольно идет на встречу с потусторонними силами у горничной, не было. Она спешно вышла и закрыла за собой дверь. Ее сердце бешено колотилось в груди. В том, что на фотографии, которую пару дней назад показал ей Георгий Александрович, был призрак Анны, она не сомневалась. Потому тревожилась за господина. Марфа считала, что вмешательство к мертвым обязательно несет за собой еще одну смерть. Но ее не слушали, а значит, и говорить об этом не имело смысла.

Георгий Александрович выпорхнул из комнаты спустя полчаса. Он не заметил, когда горничная ушла. Все его мысли принадлежали будущей встрече. Ради такого он привел себя в порядок, побрился (Анна не любила его колючие усы) и надушился так, что запах появлялся минутой раньше самого обладателя.

Повозка домчала до Думской улицы всего за минуту, ну или Георгию Александровичу так показалось.

Перед главной дверью в квартиру фотографа-медиума, так его прозвали в народе, как всегда толпились люди. Одни пытались снизить цену за фотографию, другие никак не могли принять отказ. Была и третья группа, самая малочисленная, – те, кто уже получил свою фотокарточку и, поверив в силы медиума, решился на следующий шаг.

– Георгий Александрович, – прозвучал жесткий и звонкий голос, – вам нет нужды толпиться с остальными, проходите.

Строгая дама подзывала его рукой.

Пришлось идти вне очереди, хотя ему было все равно на остальных. Тех, что шептались за его спиной о несправедливости и неуважении к другим. Строгая дама вела его взглядом и сдержанно кивнула в знак приветствия, когда он подошел к ней.

– Спасибо, Людмила Матвеевна. Мастер у себя?

– Где же ему еще быть?! Конечно, видите, какая очередь собралась? – Она указала рукой, но Георгий Александрович не обернулся, он только что был в этой толпе. – И это всего за неделю. Я удивлена, откуда у вечно жалующихся на отсутствие денег людей есть возможность получать такие дорогие услуги.

– То, что мы получаем, куда дороже, так что я их прекрасно понимаю.

– Хорошо, идите за мной, но хочу предупредить, что там тоже очередь.

По сравнению с той толпой, что стояла на улице, в общем зале сидело не так много посетителей. Среди них Георгий Александрович узнал писателя, к которому вчера заходил, и его пухлого компаньона. Он махнул им рукой, они кивнули в ответ. Людмила Матвеевна строго следила за тишиной в этой комнате.

Еще одним знакомым оказался околоточный надзиратель Лаврентий Павлович, за глаза называемый Лавром. Внешне на дерево он, конечно, не походил, зато обладал несгибаемым характером. Благодаря чему и топтался последние пять лет в одной должности. По долгу службы ему пришлось вмешаться в это мистическое дело. Хотя, как ему казалось, достаточно было приставить к ателье городского – на эту роль быстро нашелся нужный человек – и следить за порядком.

Но плюнуть на жалобы граждан Лаврентий Павлович не мог. Многие несчастные, кому отказал Мастер, обвинили фотографа в мошенничестве. К сорока годам Лаврентий Павлович уяснил одно – лучше быстро потушить маленький огонек, чем потом безуспешно бороться с пламенем. Так что оставалось либо уличить Мастера в обмане, либо успокоить обиженных граждан.

Сидя в кресле, Лаврентий Павлович мирно дремал, однако глаза под прикрытыми веками внимательно следили за каждым посетителем. Когда в комнату вошел начальник почтовой службы, Лаврентий Павлович открыл один глаз и приветливо улыбнулся.

Ждать предстояло недолго. Всего шесть человек. При том что писатель и полицейский вряд ли собираются участвовать в сеансе. Потому ждать предстояло не дольше часа. Георгий Александрович сел в свободное кресло и закрыл глаза. Присутствие полицейского подкинуло дров в небольшой огонек, греющий сомнения внутри. Но нахождение здесь писателя, который наверняка поверил в подлинность снимка, окончательно затушило его.

В зал вошла Людмила Матвеевна. Она проводила Лаврентия Павловича в отдельный кабинет, где они бы могли поговорить наедине. У околоточного был ряд вопросов не только к самому Мастеру, но и к каждому участнику его команды.

– Десять минут, и Мастер вас примет, – строго обратилась дама к писателю и редактору.

– Мы не спешим, – мягко ответил Петр Алексеевич и улыбнулся.

Спустя пять минут из коридора выскочил мужчина. Волосы на голове стояли дыбом. На вид ему было не больше сорока, но сильные мешки под глазами накинута по меньшей мере еще пятерку. Одет он был неподобающе. Ночная рубаша, небрежно заправленная в брюки, торчала со всех сторон. Каждый взмах руки взбалмошного типа оголял его поросшее редкими волосами пузо. Мужчина кричал и молил не выгонять его.

– Прощу! Сжальтесь! Спасите! Он желает мне смерти! Он приходил!

Мужчина подскочил к Петру Алексеевичу, чем сильно напугал его.

– Я видел призрака! Он вчера навестил меня! Возник за тюлем и позвал за собой! Я верю, что это дурной знак! Верю, что не проживу и ночи!

Из другой двери показался невысокий коренастый парень, одетый во фрак, – лакей Яков. Он задрал подбородок кверху и заговорил гнусавым голосом.

– Михаил Юрьевич, Мастер вам все сказал. Вы усомнились в его силе, обидели дух собственного отца и теперь сами должны разбираться с этим.

– Но как же мне быть?! – Он бросился к лакею.

Твердой рукой тот указал на выход. Сумасшедший все понял. Его голова поникла, а ноги с нежеланием зашаркали в сторону двери. Словно не замечая этого, Яков обернулся к гостям, следящим за всей ситуацией в полном изумлении.

– Следующими в покои Мастера приглашаются писатель Николас Райт и главный редактор издательского дома «Вольф» Вербин Петр Алексеевич.

Затем, не глядя на посетителей и не дожидаясь только что озвученных гостей, скрылся за той же дверью.

– Ну, стало быть, сейчас мы и узнаем правду, – весело сказал Николас и вошел первым. Петр Алексеевич перекрестился и последовал за ним.

Глава 4

Кабинет для приемов посетителей был прост. Голые стены без окон. Лишь на одной стене газовая горелка. Никакой мебели, кроме кофейного стола и трех деревянных стульев у ближней стены. Перед ними стояло кресло из красного дерева, обшитое черным бархатом.

– Весьма гостеприимно, – заметил Николас.

– Не вам говорить о гостеприимстве, – вступился за Мастера Петр Алексеевич.

– Когда гости приходят ко мне по приглашению, я всегда встречаю их радушно, – уколол в ответ писатель.

– И когда вы в последний раз приглашали гостей?

– Каждую ночь я зову их, чтобы они явились ко мне из тени и даровали вдохновение, – мрачным голосом произнес писатель. Затем расплылся в улыбке. Нужного эффекта он достиг. Главный редактор, будучи человеком впечатлительным, пробежал глазами по темным углам.

– Вам лишь бы балагурить, но я бы не советовал вам шутить там, где вы ничего не смыслите!

– И где же? В мире аферистов и шарлатанов?

Петр Алексеевич от возмущения надулся, чтобы выпалить тираду о неуважительном отношении к потустороннему миру. Однако не успел. Дверь открылась, и в комнату вошел мужчина. Высокий, широкоплечий.

Одет он был строго. Черный камзол, черные брюки, черные перчатки. На шее повязан красный платок. Но при этом лицо человека оказалось светлым, как и зачесанные назад волосы. Он молча сел в кресло и внимательно посмотрел на своих гостей.

Писатель дерзко смотрел в ответ. Редактор же, наоборот, съезжился и боялся поймать взгляд Мастера. Ему казалось, что стоит им встретиться взглядами, как он сразу же провалится в эти бездонные карие глаза – двери в потусторонний мир.

– Не одни вы пришли ко мне, – сказал Мастер тихо.

Голосом он обладал низким, с хрипотцой, отчего каждое слово отдавало легкой вибрацией в затылке.

– Да, там еще несколько человек ожидают... – начал говорить Петр Алексеевич, но Мастер остановил его рукой.

– Тише. Не о том говорю. – Он указал рукой за спины гостей. – С вами пришел третий.

Петр Алексеевич моментально побелел. И если бы на нем не было одежды, то он бы слился со стеной.

– И кто же это? – спокойно спросил Николас.

– Девушка или женщина, мне сложно разобрать ее голос.

Губы Петра Алексеевича от переживаний высохли и слиплись. Кожа на спине пошла не просто мурашками, а настоящей волной. На писателя, кажется, тоже напала тревога, но он сохранял невозмутимый вид.

– Так вы не видите ее? – спросил он.

– Нет. Только слышу. Они говорят со мной. А как вы понимаете, голос женщины и девушки, особенно звучащий эхом потустороннего мира, разобрать не так-то просто. Но, если мы сделаем ваше фото, она обязательно явит себя.

– Удивительно, – сказал Николас. – Если позволите, я ищу интересную тему для своей новой книги, и Петр Алексеевич посоветовал вас.

– Значит, вам не нужен снимок?

Петр Алексеевич замотал головой.

– Нужен, – сказал Николас, чем вызвал ужас у редактора, – без него роман не получится. Но хотелось бы узнать и больше о вашей силе.

Мастер поддался вперед и улыбнулся белыми зубами.

– Я слышу мертвых.

Сказанная им фраза по-разному подействовала на слушателей. Писатель не сводил взгляд и, казалось, вообще не придавал значения словам. Его спутник, наоборот, забегал глазами по пустой комнате, надеясь на то, что они не встретят призрачной фигуры.

– Как я вам сказал, – Мастер обращался к Петру Алексеевичу, – их не увидеть нашими глазами. На это способен только объектив моей камеры. И то если вспышка света выхватит их из иного мира.

– Вспышка света? – спросил Николас. Именно о такой теории он думал. В голове тут же всплыли жалкие попытки поймать призрака в луч от электрической свечи.

– Именно. – Мастер говорил с гордостью. – Собственная разработка. Магний порошок с тайным ингредиентом. Вспышка выходит настолько сильной, что слепит человека на несколько минут, однако ловит отблеск призрака. Так что приходите ко мне через два дня, и мы поймем, кто вас преследует.

Петр Алексеевич с недоверием посмотрел на писателя. Воспаленный всей ситуацией мозг рисовал страшные образы мертвых людей, вцепившихся острыми пальцами в худые плечи автора.

– Спасибо, – спокойно ответил Николас. – До встречи!

– Буду с нетерпением ждать.

Они вышли погруженные в свои мысли. Николас ни капли не сомневался, что стал свидетелем дешевого спектакля. Его редактор же, наоборот, верил каждому слову. И даже, признался он себе, слышал потусторонние голоса в той комнате.

– Выйдет отличный роман, – осторожно сказал Петр Алексеевич. – Только представьте, насколько завлечет эта история ваших читателей.

– Боюсь, что финал разочарует.

Они шли через общий зал, где все еще ждал своей очереди начальник почтовой службы. Полицеймейстера пригласили следующим, так что его в зале не было. Еще одна пара только что сделала снимок и вышла еще из одной двери, оставив ее незапертой.

– Хотя, если вы мне окажете услугу, обещаю, что сяду за первую главу, – задумчиво сказал Николас.

– Первую главу? – Надежда отогнала суеверные страхи. Все-таки поход пришелся кстати и Мастер достаточно впечатлил писателя, чтобы тот изложил свои мысли на бумаге.

– Так что? – Николас ждать не мог. Он изучал открывшуюся комнату в просвет двери и не смотрел на Петра Алексеевича.

– Хорошо, что мне нужно сделать? – ответил тот.

– Отвлечь того, кто решит войти сюда, – сказал Николас и скрылся за дверь.

– Что вы собираетесь делать?! – удивился редактор, но остановить писателя не успел.

В итоге пришлось побороть волнение и сесть на ближайший к двери стул. Петр Алексеевич оглядел комнату. Только он и вчерашний гость, Георгий Александрович в парадном костюме, которого ничего не волновало. Все свое внимание он посвятил фотографии и даже не заметил странного исчезновения Николаса.

Комната для фотографии ничем не отличалась от комнаты для встреч. Все так же никакой лишней мебели. Только два деревянных табурета на фоне затянутой белой тканью стены. Небольшая тумба с бокалами. Шкаф с резными фасадами и еще одна дверь, за которой наверняка располагалась проявочная комната.

Но сейчас писателя она не волновала. Его привлек крупный деревянный ящик на массивном трехногом штативе. О таком устройстве Николас слышал, он назывался фотоаппарат, но видел его впервые. Николас осторожно поднял переднюю крышку и открыл объектив.

Сомнений быть не могло. Тайна призрачного фото хранилась в этой коробке. С другой стороны крышка не поднималась, а открывалась как дверца. За ней оказалась еще одна стенка с квадратной выемкой. Сюда, по всей видимости, устанавливалась карточка для захвата изображения. Все остальные стенки были плотно притянуты друг к другу, не позволяя свету проникнуть внутрь.

Призрак точно внутри, подумал Николас и решил вскрыть устройство.

Время для Петра Алексеевича остановилось. К счастью, вокруг ничего не происходило, но и писатель все еще не вернулся. Через две минуты в сопровождении Мастера вышел околоточный надзиратель Лаврентий Павлович. Они по-приятельски беседовали, но главный редактор не слышал их слов. Как только вышел Мастер, в его ушах заколотило сердце, а во рту появился металлический привкус.

– Так что вы понимаете, что не явиться я не мог, иначе бы к вам наведалься участковый пристав, а он у нас человек суровый. – Слова наконец долетели до слуха Петра Алексеевича, когда эти двое проходили мимо. При этом они даже не посмотрели на него.

– Я даже рад, что вы пришли, ведь наше знакомство не случайно, – промурлыкал Мастер. – Людмила Матвеевна проводит вас, и, если долг вновь заставит ваше благородие навестить наше скромное ателье, я буду только рад.

Полицеймейстер расплылся в улыбке.

Они говорили еще о чем-то, но слова уже утопали во внутреннем шуме Петра Алексеевича. Он проследил, как представитель власти вышел, а Мастер жестом пригласил за собой Георгия Александровича. Лицо второго изобразило в один момент и радость, и тревогу.

Все это время Петр Алексеевич не шевелился, кулаки от напряжения побелели, а на внутренней стороне ладони остались следы ногтей.

Мастер открыл дверь и пропустил вперед гостя. Затем он остановился и посмотрел черными глазами (привиделось?) на Петра Алексеевича. Дверь за ним все еще была открыта. Внутри хозяйничал писатель и мог с минуты на минуту выйти, полностью сдав преступление хозяину квартиры.

– Почему вы все еще здесь? – спросил Мастер.

Нужно срочно придумать ответ, решил Петр Алексеевич, но, обратившись к разуму, понял, что там пустота.

– Жду Николаса, – честно выпалил он.

– Вам лучше уйти, – строго произнес Мастер. – Скоро случится таинство, а духи не любят, когда в их дела вмешиваются живые.

– Хорошо, – закивал Петр Алексеевич.

– Славно. – Мастер улыбнулся и скрылся за дверью.

Николас ходил вокруг деревянной коробки, не зная, как к ней подступиться. Погруженный в инженерные мысли, он не заметил, как из второй двери вышел человек.

– Что вы здесь делаете? – испуганно спросил он.

Вопрос застал писателя врасплох. Но лишь на секунду. Повернувшись к незваному свидетелю, Николас глупо улыбнулся и почесал затылок.

– Простите, перепутал двери. А когда вошел, восхитился этим технологическим чудом, – сказал он, и практически все слова были правдой.

Перед ним стоял парень не старше двадцати пяти. В черных перчатках и черном фартуке. На молодом лице неуверенно пробивались бакенбарды. А волосы на затылке росли торчком.

– Да, – человек сделал неуверенный шаг, – отличный зеркальный фотоаппарат, снимающий на фотоэмульсионную бумагу.

– Восхитительно! И вы, небось, отлично с ним ладите?

– Смекаю маленько, но до Мастера мне далеко, – ответил парень. Его щеки покраснели.

– Николас Райт, писатель-мистик. – Его рука возникла быстро.

– Федор, подмастерье. – Юноша пожал теплую руку писателя. – Я о вас слышал. – Парень сменил расположение на предосторожность. – Вы пришли выведать секреты Мастера, вот только, кроме него, их никто не знает. – Парень потупил взор.

– Что вы! – Николас рассмеялся. – Если узнать тайну, исчезнет вся магия. А эта магия нужна мне для моей следующей книги.

– Вы будете писать про Мастера?

– Именно так.

– А там... – Голос дрогнул. – Найдется место для подмастерья?

Николас похлопал его по плечу.

– Конечно, только если вы окажете мне услугу.

– Хорошо, только если вы не станете нарушать покой мертвых, они этого не любят, – с пустым лицом произнес Федор.

– Почему вы так долго?! Я чуть было не поседел, знаете ли!

Для наглядности главный редактор похлопал себя по лысеющей макушке, окруженной редкими каштановыми волосами.

– И расскажите, что вы там узнали! Я выполнил вашу просьбу, так что жду главу! – Редактор говорил, говорил, говорил, а Николас молчал.

– И почему же вы молчите?!

– За главу сяду сегодня вечером, что же до остальных вопросов, увы, но я не обещал вам на них ответов. – Николас пожал плечами и зашагал вперед.

Распираемый возмущением Петр Алексеевич последовал за ним.

Они шли по Думской улице. Николас шагал быстро, Петр Алексеевич семенил позади, расстояние между ними увеличивалось.

По пути им встретился мальчишка с газетами.

– Свежий выпуск Петербургского листка, – надрывал связки мальчуган, – Читайте о призраке на фото.

– Погодите, – сквозь одышку сказал Петр Алексеевич и остановился рядом с юным газетчиком. – Одну, пожалуйста.

Интересно было узнать, что такого пишут про Мастера в бульварных изданиях. Он достал пятьдесят копеек и протянул мальчишке. Тот почесал сопливый нос, сунул монеты в карман и протянул свернутую газету.

Когда редактор обернулся, писатель словно растворился в воздухе. Петр Алексеевич вздохнул, но обрадовался, что больше не нужно поспевать за его шагом. Он сунул газету под мышку, осмотрелся и пошел вразвалку в сторону своего временного жилья.

Глава 5

Ходили слухи, что в фотоателье на Думской улице можно не только получить снимок умершего человека, но и при нужных условиях поговорить с ним. Правда, на такой сеанс могли рассчитывать только особые люди. Те, кому Мастер доверял, ну и те, кто готов расстаться с собственными сбережениями.

Для Георгия Александровича сумма оказалась внушительной. Пятьсот рублей за то, чтобы вновь услышать голос супруги и поговорить с нею. Потому он долго сомневался, пока не понял, что деньги-то ему теперь ни к чему. Он все еще хранил траур, да и не мог понять, как можно жить дальше, когда общие планы ушли вместе с женой.

Он не мог позволить себе нарушить данное при венчании слово. Но где-то глубоко внутри надеялся, что дух Анны сможет отпустить его, и тогда станет не так больно начинать жить заново.

В таком случае сумма в пятьсот рублей казалась незначительной. Георгий Александрович осмотрелся по сторонам. В общем зале для ожидания из посетителей он остался один. У дальней стены с дверью, ведущей к Мастеру, все это время стоял высокий парень – слуга Мастера. Он внимательно следил за оставшимся гостем, отчего тот нервничал.

– Когда настанет мое время? – не выдержал молчания Георгий Александрович, хотя прекрасно знал, что сеанс должен проводиться без свидетелей и требовал большой подготовки Мастера. Но молчание лакея выводило из себя.

Ничего не вышло, тот словно и не слышал вопроса. Лицо его осталось неподвижным. Когда пришло время – звон колокольчика сообщил об этом, – Яков прошел по комнате и погасил весь свет, после чего жестом пригласил Георгия Александровича следовать за ним. Поход в театр – не иначе, подумал тот и вошел в комнату, где его уже ожидала строгая дама. Правда, с ним она вела себя довольно мягко. В отличие от непрошибаемого лакея она встретила его улыбкой.

Георгий Александрович выложил на стол пять кредитных билетов по сто рублей. Людмила Матвеевна аккуратно, смочив языком кончики пальцев, взяла каждую бумажку и плавно уложила между листами гостевой книги. После также плавно захлопнула ее и, не сказав ни слова, вышла. Лакей погасил свет и в этой комнате, затем тоже вышел.

Теперь Георгий Александрович остался в полном одиночестве, погруженный во тьму, откуда пробивались призрачные воспоминания.

– Вы готовы, мой друг? – Голос подобно дыму наполнил комнату. Следом из темноты показался Мастер.

– Да, – прошептал Георгий Александрович.

– Хорошо. – Мастер сел напротив, зажег свечу и поставил ее на стол между ними.

Георгий Александрович посмотрел на проводника. На вид тот казался больным. Его руки тряслись, красные и воспаленные глаза слезились, а от лица будто бы отступила вся кровь, сделав его мертвецки белым.

– Хочу предупредить вас, – продолжил он, – контакт с миром духов всегда таит в себе загадку. Если ничего не выйдет, я верну вам ваши деньги за исключением небольшой издержки...

– Хорошо.

Мастер нервно затряс рукой, показывая, что его не стоит перебивать.

– Мы можем поговорить не больше двух минут. – Он достал из кармана и поставил рядом со свечой песочные часы. – Иначе нарушим баланс и вызовем дурные последствия.

Георгий Александрович кивнул.

– Вы принесли вещь вашей супруги и фото, сделанное мною?

Гость молча выложил на стол снимок и кольцо.

– Отлично. Когда услышите ее голос, не пугайтесь, говорите так, словно расстались минуту назад.

Как ни старался сдерживать волнение Георгий Александрович, оно дошло до предельной точки. С самого утра он ждал этого момента. Каждая секунда давалась ему с трудом.

– Начинайте! – нервно произнес он.

Голос небрежно ворвался в царство тишины. Лицо Мастера скривилось, но он ничего не ответил на неуважительный тон. Его силы требовали слишком большой концентрации и длительной подготовки. Он не мог позволить себе разрушить все ответной реакцией на одно единственное слово.

Но, для того чтобы напомнить, что главный в этом комнате именно Мастер, он поднял указательный палец вверх. Второй рукой он перевернул песочные часы и закрыл глаза.

– Теперь можете говорить, – прошептал он.

Сотни слов копились все это время, и теперь они рвались наружу. Но все сразу, в один момент, не давая возможности сказать что-то одно. Что спросить? Что сказать? Позвать? Или просто ждать?.. Георгий Александрович поддался панике. Ко всему прочему песок сыпался слишком быстро. Уже полностью закрыл стеклянное дно. А ни одного слова не было сказано.

– Милый мой Гоша... – Слабый женский голос, сопровождаемый жутким скрежетом, раздался сразу с нескольких сторон.

Это точно она! От ее слов бросило сначала в холод, следом – в жар.

– Да... да... – выдавил он.

– Почему же вы молчите? – Снова загробный голос с металлическим отзвуком.

– Прости меня, моя Аннушка, скажи мне, как твои дела?

Тишина. Неужели она не слышит?

– Я рада, мой милый, что у вас все благополучно, рада видеть вас в добром здравии, а большего мне и не нужно для спокойствия моей души.

Сердце зажали металлические тиски. Дыхание свело. Тело онемело. Дрожащей рукой он вытащил платок и промокнул лоб. Это не помогло, лоб остался мокрым.

– Скажи, моя дорогая, согревает ли тебя кулон с нашими именами, что я подарил в твой последний день?

– Согревает... И я благодарна тебе, потому что с ним я всегда помню о нас...

– Мне приятно слышать это, моя дорогая, но я не представляю жизни без тебя. Прошел год, а будто бы день. Только позови меня, и я окажусь рядом.

– Нет! – вмешался Мастер и задул свечу.

Комната вмиг исчезла. Но тут же вспыхнули газовые горелки на стенах и комнату наполнил теплый мягкий свет. У двери стоял лакей Яков с тем же непроницаемым лицом.

– Почему вы это сделали?! – закричал Георгий Александрович. – Вы не дали ей ответить.

Мастер откинулся на спинку кресла и тяжело дышал. По лицу бежали капли пота. Вена на шее надулась и пульсировала. Он жестом показал на песочные часы. Верхняя чаша была пуста.

– Плевать! – вскочил Георгий Александрович. – Верните ее! Она должна ответить!

– Я жалею, что позволил вам говорить с ней, – слабо произнес Мастер. – Вам пора! Федор вас проводит.

Из двери с испуганным видом показался подмастерье. Он подбежал, взял гостя под руку. Тот не дался. Толкнул парня и в два шага оказался рядом с Мастером.

– Верни ее! Иначе...

Он не успел договорить. Сильные руки лакея, который был на голову выше, скрутили его.

– Вам пора, – спокойно сказал он и повел взвинченного гостя к выходу.

– Да как вы смеете? Вы понимаете, что применяете силу против государственного служащего?! Я вернусь! – Подмастерье открыл дверь, Георгий Александрович уперся ногой в стену. – И буду не один! Я приведу не жалкого околоточного надзирателя, а статского советника!

Сопротивляться сильным рукам лакея не было никакой возможности. Его волокли через общий зал под неодобрительный взгляд Людмилы Матвеевны. Она проводила его вздохом. Ведь он казался ей таким сдержанным и воспитанным.

– Завтра же вы пожалеете о содеянном!

Георгий Александрович стоял на улице перед входной дверью. Провожающий поправил на нем костюм, расправил плечи и легко поклонился.

– Простите, ваше благородие, но вы поддались искушению и в своих порывах зашли далеко. Таким делом вы можете накликать на себя беду.

– Вы мне угрожаете?!

– Что вы! Наоборот, я тревожусь о вас, потому хочу предупредить.

– Да кто ты такой, чтобы меня предупреждать?! Передай своему господину, что завтра беда придет к нему! – сквозь зубы проговорил Георгий Александрович и, развернувшись, быстро зашагал в сторону дома.

– Обязательно передам, – ответил Яков, провожая его взглядом.

Глава 6

Представление, которое устроил Мастер, вышло неплохим. Но все же его оказалось недостаточно, чтобы убедить писателя в том, что этот человек говорит с духами. В отличие, конечно, от Петра Алексеевича. Несмотря на теплый солнечный день, его потряхивало, а любая тень или закуток пугали.

И если компания редактора сначала утомляла, то потом оказалась весьма кстати, потому что его поведение отлично демонстрировало реакцию обычных людей. А значит, чем дольше Мастер собирается дурить людям голову, тем хуже. И нужно уже было развеять этот миф как можно скорее.

Хотя, Николас признался себе сразу, желание постигнуть тайну Мастера заботило его гораздо больше. Что если ему действительно удалось проникнуть за грань живого мира. И теперь благодаря его способности можно вновь испытать забытые чувства.

Когда-то давно, возможно в прошлой жизни, которая оказалась вымыслом, в возрасте юноши Николай встретил призрака, о чем и написал книгу, ставшую популярной на весь мир. Встреча вознесла его к вершинам, но после выжгла нутро и бросила к низам. То была муза, позволившая вкусить лишь часть своей силы. А после в обмен на услугу забрать все живое, что наполняло писателя.

Но ничего, уже завтра он либо окончательно распрощается со своими фантазиями, либо же обратит их в реальность. Для этого требовались лишь фото Георгия Александровича, помощь Федора, в которой он не отказал. Сославшись на важность литературных исследований, Николас попросил подмастерье вскрыть ящик. Тот сначала испугался, но, поддавшись тому, что станет одним из важных героев новой книги, согласился.

Всего одна ночь, которую нужно пережить, и возможно тогда...

– Смотри-ка, Ермолай, вот и наш проходимец пожаловал!

Противный голос легко восстановил образ своего владельца в голове писателя. То был круглолицый тип, пытавшийся обмануть супругу своего покойного брата. Погруженный в мысли Николас брел возле своего дома и не заметил, что у парадной его поджидают два неприятных товарища, чьей дружбой писатель пренебрег.

– Кузьма Михайлович, рад видеть! – льстиво улыбнулся Николас, но подходить к ним не стал.

Парочка не расстроилась. Они подошли сами. Тот, что имел острый нос и смуглую кожу, прозванный напарником Ермолаем, положил тяжелую руку на шею писателя и подтянул к себе. Кузьма Михайлович, или по-простому Кузьма, взял писателя под руку. В боку кольнуло. Сквозь ткань пиджака и рубашки чувствовалось лезвие ножа, которое не стеснялось ранить человека.

– Что за порожняк ты прогнал вчера? Мы с Ермолаем рассчитывали на твою порядочность, а ты оказался баламутом.

– Позвольте, господа... – Острие кольнуло сильнее, что-то теплое потекло следом.

– Не вколачивай нам баки! – процедил Кузьма. – И лучше помалкивай да слушай.

Николас кивнул, но улыбаться не прекратил.

– Из-за того что ты вола водил, мы лишились наших сбережений, а Ермолай не любит, когда кто-то берет то, что принадлежит ему.

Чтобы подтвердить слова Кузьмы и для того, чтобы напугать писателя, Ермолай зарычал и придушил его рукой.

– Так что должен ты нам, голубчик, да немало. Двух тысяч будет достаточно...

– У меня и двух рублей нет, – ответил Николас.

– Не моя беда. – Лезвие исчезло, боль осталась. – Голова у тебя кумекает, так что наведи марафета в том фотоателье, я слышал, рубрики там водятся, но не мне тебя учить.

– Я не вор. – Лезвие вернулось. Правда, тело по нему не скучало.

– Мы тоже! А спустишь на нас борзых, – нож поднялся выше, разрезая пиджак, рубаху и кожу, – вгони перо под жабры, усек?

– Тогда вам точно от меня не будет никакой пользы, – отшутился все с той же улыбкой на лице Николас.

– Зато одним паразитом будет меньше, – сухо ответил Ермолай.

И сильным ударом кулака в челюсть снес Николаса с ног. Земля перевернулась и жестко встретила лицо, сознание потемнело, расплылось и исчезло в небытие.

Сны стремительно сменяли друг друга, пока голос не вернул Николаса в реальный мир.

– Что с вами? – Над писателем с испуганными глазами стояла Настенька.

Николас, помогая себе руками, уселся на землю. Лево́й рукой он подвигал челюсть влево-вправо – все в порядке, цела. Право́й рукой прикрыл запекшуюся рану на боку. Еще не хватало, чтобы Настенька, увидев кровь, подняла шум.

– Я что-то уронил, лег, чтобы найти, и случайно задремал. – Улыбка с трудом держалась на его лице. Прозвучал настоящий бред, но из-за шума в голове ничего остроумнее он придумать не смог.

Настенька нахмурилась.

– Вам бы все шутки шутить! А ведь я заволновалась...

Она размахивала рукой, пока Николас не поймал ее в воздухе.

– Не тревожьтесь и простите за глупость.

Большого девушке было и не нужно. Теплое касание ладони, искренность в словах – и обида отступила. Вообще, Настенька злиться не умела. Если и случалось так, что ей приходилось ворчать, то делала она это с трудом, с натяжкой. Одним своим жестом писатель сносил ее эмоциональную оборону. И Настенька, сама не понимая, как такое возможно, тут же все прощала ему.

Она предложила помочь подняться, но Николас отказался. Он бодро вскочил на ноги, правда, пошатнулся, но сделал это так, будто так и планировал. После, пряча раненый бок от глаз девушки, проводил ее в квартиру, учтиво взяв ее корзину с бельем.

Рана оказалась несерьезной. Савелий, который был куда спокойнее по части крови, обработал порез и сказал, что через несколько дней от него не останется и следа. Вопрос о том, как рана была получена, Николас пропустил мимо ушей. А чтобы не возникло желание у Савелия его повторить, принялся рассказывать об увлекательной встрече с Мастером. И под этот рассказ вывел Савелия из своего кабинета.

– Так что же вы думаете, взаправду призрака поймали на фотографии?

– Скоро узнаем! – живо ответил Николас и закрыл перед собой дверь.

Теперь следовало перевести дыхание. Слишком много событий пришлось на последние два дня. Особенно если учитывать, что второй день еще даже не закончился.

Пока оставалось время, Николас привел себя в порядок и сходил в общественную библиотеку, где в прошлом с трудом отработал около года. Престарелая заведующая говорила с ним тепло, пока не надела очки, в которых разобрала лицо Николаса. Несмотря на это, ему удалось найти и получить несколько книг про изобретение и пользование камерой-обскурой. Тот же принцип применялся и в фотоящике. В этом Николас не сомневался.

Затем он наведился в почтовую службу, где надеялся застать Георгия Александровича. Но, к сожалению, начальника не было весь день. А секретарь никак не хотел делиться личным адресом своего руководителя. Особенно с человеком, чей внешний вид не соответствовал государственному учреждению. Так что, как Николас ни старался, ничего у него не вышло.

Осталось единственное решение, к которому писатель никак не хотел обращаться. Ведь кто мог справиться с напыщенным секретарем? Точно такой же тип.

Петр Алексеевич предусмотрительно оставил свой адрес. Поселился он в маленькой комнате соседнего доходного дома. И собирался после сытного обеда выпить чаю с вишневым вареньем. Но писатель говорил настойчиво, да и от успеха этого дела зависела новая книга. Так что редактор вздохнул, грустно посмотрел на чашку свежего чая, встал, шелкнув коленями, и последовал за Николасом.

Просьба оказалась довольно простой. Петр Алексеевич навестил секретаря начальника почтовой службы и попросил у него домашний адрес Георгия Александровича. На его взгляд, секретарь оказался умным и приятным человеком. К радости редактора, они выпили чаю, правда, без варенья, но зато с сушками. Поговорили о том, какую роль играет в жизни людей почта и что порой письмо способно спасти человеку жизнь. Секретарь со всем соглашался, что побудило Петра Алексеевича на откровения. Он признался ему, что и сам любитель побаловать себя письмом.

– С помощью пера и чернил я передаю на бумагу частичку собственной души и делюсь ею с близкими людьми, – важно проговорил Петр Алексеевич.

После этих слов секретарь взглянул на редактора с уважением. Даже смахнул слезу с правого глаза. Так вот после такой беседы, обходительности уважаемого человека секретарь отказать не смог и написал на бумажке название улицы.

Получив адрес, Николас снова исчез. Редактор поворчал на него, но быстро смирился – такой уж он человек.

Глава 7

Лаврентий Павлович любил скромность. Причем это проявлялось во всем: и в работе, и в отношении с людьми, и даже в убранстве его рабочего пространства. По службе ему выделили квартиру в четыре комнаты, одну из которых он самолично превратил в камеру – повесил амбарный замок да задвижку.

Остальные комнаты казались нежилыми. В спальне кровать да шкаф. Стены гостевого зала держали десятки полок с аккуратно расстеленными стопками бумаг. Маленькая кухня, которой Лавр не пользовался, и рабочий кабинет, где тот находился чаще всего.

Каждый человек, кто хоть раз навещался к нему, мог с уверенностью заявить, что Лавр всегда на рабочем месте. Отсюда и уважение к нему как к человеку ответственному. В тех случаях, когда Лаврентий Павлович покидал кабинет, его заменял городской. И чаще всех этим человеком был Макар – ответственный и надежный, хоть и вызывал сомнения у некоторых жителей района. Лаврентий Павлович на такие домыслы не обращал внимания, ему было достаточно того, что Макар исправно выполнял приказы.

Вот и сейчас городской отчитывался еще об одном дне наблюдения за Думской улицей.

– Ваше благородие, после вашего визита ничего странного не заметил.

– Кто-то еще приходил?

– Нет, после ухода Георгия Александровича фотоателье закрылось. Правда... – Городской замешкал, не решив, стоит говорить или нет.

– Не тяни! – нахмурился Лавр.

– Дело такое, ваше благородие, тот рыжебородый снова околачивается у этого дома. Чует мое сердце, что неспроста, может, чего стащить хочет или...

– Так потому ты там и стоишь, чтобы избежать кражи или чего хуже. Ты пока за ним понаблюдай и, если что, веди ко мне. Тут и поговорим.

– Понял, ваше благородие. Больше докладывать нечего. Можно личную просьбу?

– Говори.

– Выручите меня двумя рублями? Тетушка прихворала, а до полочки...

– Нет. – отрезал Лавр. – Ты мне еще прошлый рубль не вернул.

Макар виновато кивнул.

На том их встреча закончилась. Макар вернулся на Думскую. Лаврентий Павлович перешел к следующему обращению. Не такому интересному, как мистификатор. Вот, например, два соседа не могли никак примириться. Тот, что жил сверху, жаловался на того, что жил снизу, потому что тот вечно стучал шваброй в потолок. А тот, что жил снизу, оправдывался тем, что тот, что жил сверху, топал, как стадо коров. Замкнутый круг. Лаврентий Павлович вздохнул, но делать было нечего. Все же его участок считался образцовым.

Глава 8

Утро никак не наступало. Как ни старался Николас прогнать ночь, она все еще хозяйничала за окном. Сидя за маленьким столом спиной к своей спальне, он перечитывал абзац об устройстве камеры-обскуры. Огонек свечи задрожал – подул ветер.

«Они говорят с нами, и я их слышу» – всплыла в голове фраза Мастера. Теперь и Николасу казалось, что он слышит призраков. Иначе кто еще мог шептать позади него, таясь в тени маленькой комнаты.

Он чувствовал спиной, как она, девушка с зияющей раной на лице, крадется к нему, тянет ледяные и высохшие руки к его шее. Хуже всего то, что, даже если он обернется, ее образ не растворится в пространстве. Ее смерть грузом тащит его душу напрямик в ад, каждый раз напоминая о роковой ошибке.

Ко всему прочему головная боль, изгнанная опиумным дымом, возвращалась из пустоты. Спина взмокла и тут же пошла мурашками.

Теперь, когда девушка подошла ближе, стало слышно, что она издает звуки подобные низкой вибрации.

– Прочь, – впервые сказал Николас.

До сих пор он не пытался прогнать ее, считая, что ее преследование – вынужденное наказание. Теперь же, когда она опутывает его мысли и заставляет вновь взяться за фарфоровую трубку и втянуть в себя еще немного целебной отвара, ей пора уходить.

– Прочь, – повторил он тише.

Голос ослаб. Обжигающие своим холодом руки легли на его плечи. Следом голову пронзили сотни острых игл. Во рту возник металлический привкус.

На этот раз он проиграл.

Пламя свечи разожгло опиумный камешек. Горячий дым устремился сквозь отверстия и проник внутрь писателя. Тут же тиски ослабли, а призрак вернулся в свой угол.

Но вместе с облегчением в мысли пришла и вязкость. Они затупились и больше не могли усвоить ни одного слова из книжки. Так что следовало отложить ее до утра.

Благо теперь оно подступало быстрее.

С первыми лучами Николас вышел из дома. Свежий утренний воздух прогнал гниль из головы. Николас облегченно вздохнул и размял плечи. Тело медленно приходило в норму. Хотя металлический привкус ночного кошмара еще хранился на языке.

Благодаря Петру Алексеевичу он узнал адрес, по которому проживал начальник почтовой службы.

Подняв ворот пиджака – утро выдалось прохладным, – Николас зашагал вдоль дома. В тот же миг тень с противоположной стороны дороги пришла в движение. Сомнений никаких: либо Кузьма, либо его остроносый друг. Видимо, тревожатся о том, чтобы писатель ненароком не заглянул в полицейский участок.

В итоге прогулка до дома Георгия Александровича вышла увлекательной. Даже азартной. Николас старался идти непредсказуемо, то ускоряя шаг, то, наоборот, замедляясь до улиточной скорости. Иногда он резко сворачивал или замирал, чтобы сбить преследователя с толку. И порой у него это получалось.

Но, несмотря на уловки и хитрости, тот неожиданно возникал за спиной, когда казалось, что преследование окончено. Бог с тобой, подумал Николас и зашагал привычным шагом. Тень подхватила ритм и последовала за ним, сохраняя расстояние.

В итоге, когда показался дом с нужным адресом, Николас сделал вывод, что следит за ним совершенно другой человек, потому что сомневался, что у Ермолая и Кузьмы хватит терпения на такие игры.

Вход в квартиру Георгия Александровича располагался внутри дома со сплошным фасадом со всех сторон. Во двор-колодец вели ворота с резными железными цветами, обвившими такие же железные прутья.

Во дворе царила утренняя тишина. Жильцы многоквартирного доходного дома только-только просыпались и приступали к привычным делам. Двор пустовал. И из-за вечной тени выглядел мрачно. Отсутствие ветра в замкнутом со всех сторон пространстве сделало воздух настолько плотным, что казалось, его можно потрогать.

Николас пробежал арку, где каждый его шаг звонко разлетался эхом, свернул за угол и притих. Спустя полминуты послышались еще одни шаги, не такие звонкие, но все еще отражающиеся эхом от каменных стен. Преследователь вбежал за ворота в арку и остановился. Было ясно, что он потерял след – писатель мог вбежать в любую из парадных, а точного адреса преследователь не знал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.